

вступает на стол, спасается от врагов всегда, как правило, — „пособьем божим и силою честнаго креста“ (стр. 233), „божьем милосердьем“ (стр. 234), „богом и молитвою родитель своих“ (стр. 299), „с божиею помощью“ (стр. 348) и т. п.; — возвращается из удачного похода, всегда „хваля и славя бога“ (стр. 268), „благодаря бога“ (стр. 329), „похваляче бога, и его пречистую мать, и силу животворящего креста“ (стр. 305), „славяще бога, и святую богородицю, и силу честнаго креста, и святая мученика, помогающа на бранех“ (стр. 384) и проч.; — такой князь, предпринимая какое-либо дело или отправляясь в поход, никогда у летописца не забудет предварительно молитвенно поднять глаза к небу или взглянуть на икону „самого бога“ или „святей богородици“ (стр. 231, 233, 238, 420, 421 и др.); узнав, допустим, о вероломстве союзника или о смерти родственника, — прослезиться и даже воздеть руки к небу (стр. 234, 250, 336 и др.).

Князь или боярин, вызывающий негодование летописца своими поступками, в свою очередь нередко приобретает у него черты, свойственные только „злодею“ повести. Начинается тогда рассказ летописца обычно с упоминания о дьяволе — главном виновнике преступления: „не хотяй любви между братьею“, „не хотяй добра межи братьею“, „не хотяй добра всякому хрестьяну и любви межи братьею“, он, дьявол, „всекозненный“, „пронырливый“, „искони же вселукавый“, начинает с того, что вкладывает в сердце князя или боярина злой помысл; подстрекаемый дьявольским „научением“, такой князь или боярин — „начальник всему злу“ — вместе со своими соучастниками совещається, как лучше привести в исполнение свой адский план, затем начинает „льстити“ под добрым князем и, в конце-концов, замысл свой осуществляет; часто злодей, совершив одно преступление, затем „на горшее зло“ подвизается, чтобы до конца утолить „злобу“ свою (стр. 231, 234, 236, 349, 370 и др.);¹ характеризуя такого злодея, летописец, разумеется, не скупится на бранные эпитеты, награждая их по принципу, хорошо известному каждому агиографу; например, под 1172 г. в рассказе о епископе Феодоре („Феодоръце“): „... изъгна бог и святая богородица Володимирская злаго и пронырливаго и гордаго лестьця, лживаго владыку Федоръца из Володимира... сьи нечъстивыи не въсхоте послушати христорлюбиваго князя Андрея...“ (стр. 377).²

¹ Ср. в „Сказани“ о Борисе и Глебе: „Видев же диявол и искони ненавидяй добра человека, яко всю надежу свою на господа положил есть святыи Борис, начат подвизней бывати, и обрет, яко же преже Каина на братоубийство горяща. Тако же и Святополка, по истине вѣтораго Каина, улови мыслью, яко да избьет вся наследники отца своего... и не до сего остави убийства оканьный Святопѣлк, нъ и на большая, неистовая, начат простратися... нъ ту абие вьиде в сердце его сотона и начат и пострекати вьщъша и горьша съдеяти...“ (См: С. Бугославський, стр. 142, 146).

² Ср. там же: „Тогда призва к себе оканьный тръклятый Святопѣлк съвѣтъники всему злу и начальники всей неправде и отъвръз прескърьная уста, испусти зълый глас...“ (С. Бугославський, стр. 142).